

Котляревский Нестор Александрович

**Канун освобождения
1855-1861 гг.**

**Из жизни идей и настроений в
радикальных кругах того
времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Александрович К.**
Канун освобождения 1855-1861 гг.: Из жизни идей и настроений в радикаль-
ных кругах того времени / Котляревский Нестор Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 573 с.

ISBN 978-5-519-90749-1

ISBN 978-5-519-90749-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Заглавіе книги значительно шире ея содержанія. Канунъ освобожденія 1855—1861 годовъ переживали не только тѣ люди, о которыхъ въ этой книгѣ идетъ рѣчь, но и многіе другіе, не менѣе ихъ даровитые, и съ ними во многомъ существенномъ не согласные. Сказать, что радикальная мысль и радикальное настроеніе были въ 1855—1861 годахъ главными силами, приводившими русскую жизнь въ движеніе—нельзя. Иныя силы двигали тогда нашей жизнью и не радикальнымъ кругамъ тогдашняго общества обязаны мы той подготовительной работой, которая въ 1861 году надломила главный устой дореформеннаго строя.

Но несомнѣнно, что въ общемъ движеніи сталкивающихся и борющихся мнѣній и настроеній, какими обогатилась наша общественная жизнь тотчасъ же послѣ перемѣны царствованія — радикальное направленіе мыслей и чувствъ было явленіемъ не только весьма замѣтнымъ, но совершенно исключительнымъ по своей новизнѣ и по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно въ русской жизни вызвало. Всѣ направленія мысли и темпераменты одновременно съ нимъ проявлявшіеся въ интеллигентномъ обществѣ—направленіе официально правительственное, консервативное разныхъ типовъ и либеральное разныхъ оттѣнковъ—имѣли за собой богатое прошлое и были послѣдовательнымъ развитіемъ идей и настроеній, задолго до 1855—1861 годовъ опредѣлившихся. Радикализмъ въ мысляхъ и чувствахъ былъ

явленіемъ новымъ, и корни его въ старину не уходили. Въ царствованія Александра Павловича и Николая Павловича бывали вспышки общественной мысли и чувствъ, которыя иногда не пугались крайностей и пріобрѣтали обликъ настоящаго политическаго радикализма. Но этотъ радикализмъ уживался съ религіознымъ чувствомъ и съ идеалистическими основами общаго міросозерцанія. Радикализмъ шестидесятыхъ годовъ былъ полнымъ отрицаніемъ всѣхъ до него господствовавшихъ взглядовъ на отвлеченныя начала жизни и попыткой замѣны этихъ взглядовъ новыми, опирающимися на матеріалистическое и утилитарное истолкованіе всѣхъ проблемъ жизни и духа. На этихъ новыхъ общихъ основаніяхъ радикализмъ шестидесятыхъ годовъ построилъ и свою общественную и политическую доктрину, рѣзкую по демократической тенденціи и доводящую принципъ самоопредѣленія и свободы мысли, чувства и дѣяній до его апогея. Аналогій такому радикализму въ нашемъ прошломъ не было.

Весьма значительнымъ было и то вліяніе, какое радикализмъ оказалъ на дальнѣйшій ходъ нашего общественнаго развитія. Изъ радикальныхъ круговъ вышли всѣ теоретики и практики крайнихъ взглядовъ вплоть до революціонеровъ и террористовъ, внесшихъ въ нашу жизнь столько движенія и тревоги. Радикальная группа представляла собой силу, всегда опережавшую свое время. Осуществить то, чего они желали, радикалы не могли, но отъ нихъ всегда исходилъ наиболѣе сильный ударъ по существующему порядку, ударъ, заставлявшій жизнь идти иногда впередъ, иногда назадъ, но во всякомъ случаѣ вызывавшій въ ней наиболѣе глубокое и длительное волненіе.

II.

Въ наше время, при болѣе развитой и болѣе закономъ обеспеченной общественной и политической жизни, при личности новыхъ основныхъ законовъ, которые позволяютъ

голосу страны имѣть извѣстное вліяніе на ходъ самой жизни, роль теоретическаго и практическаго радикализма не можетъ, конечно, быть такой значительной, какой она была раньше, въ годы, когда неограниченная правительственная опека надъ всѣми областями жизни не находила себѣ никакого ограниченія въ общественной самодѣятельности. Въ прежніе годы, начиная съ первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра Николаевича вплоть до 1905 года, радикализмъ въ области мысли и дѣяній былъ несомнѣнно той силой, которая всего рѣшительнѣе и настойчивѣе шевелила общественные круги, и консервативные, и либеральные и безразличные. Составляя въ обществѣ меньшинство, люди радикальнаго образа мыслей обладали наибольшей силой воздѣйствія, если не на ходъ самой жизни, то на всѣхъ стоящихъ у ея кормила, а также на широкіе круги интеллигентнаго общества, въ огромномъ большинствѣ случаевъ терпѣливо умѣреннаго во взглядахъ и сдержаннаго въ поведеніи.

Ближайшее прожитое нами полстолѣтіе [1855—1905] было, при всѣхъ внѣшнихъ перемѣнахъ въ общественномъ строѣ, прямымъ продолженіемъ эпохи дореформенной. Правительственная опека какъ до годовъ реформы, такъ и въ годы ихъ дарованія не ослабѣвала и все было сдѣлано, чтобы общественную инициативу и самодѣятельность урѣзать какъ можно больше.

Стремленіе правительства — придать даруемымъ реформамъ лишь внѣшнюю видимость, лишивъ ихъ основного смысла, было впервые угадано, замѣчено и во всемъ своемъ объемѣ оцѣнено радикальной партіей, которая поставила своей прямой задачей борьбу съ этой тенденціей и при томъ борьбу, не признававшую никакихъ уступокъ, никакого соглашенія, никакого компромисса. По убѣжденію людей радикальнаго образа мыслей, добро должно было быть воинственно и придерживаться не оборонительной, а агрессивной тактики. Слѣдуя этому убѣжденію, радикалы, не считаясь съ условіями времени и съ обстоятельствами, шли

въ теоріи послѣдовательно въ крайнемъ направленіи, а въ области практики протестъ словесный очень скоро замѣнили революціоннымъ дѣйствіемъ. Такими крайними, врагами уступокъ и компромиссовъ, оставались радикалы за все время эпохи реформъ отъ 1855 до 1905 года, когда на короткій срокъ они оказались хозяевами положенія.

III.

Книга, предлагаемая вниманію читателя, охватываетъ лишь нѣсколько лѣтъ въ исторіи развитія радикальной теоріи и практики,—а именно первые начальные годы образованія радикальныхъ круговъ. Годы эти [1855—1861] составляютъ въ лѣтописяхъ радикальной партіи періодъ вполне законченный и закругленный.

Образованіе и ходъ развитія радикальнаго образа мыслей, падающіе во вторую половину царствованія императора Николая Павловича, почти ускользаютъ отъ изслѣдователя въ виду своего чисто интимнаго характера и малаго количества свѣдѣній, до насъ дошедшихъ. Прослѣдить съ точностью, какъ въ дѣтскіе и полудѣтскіе умы и сердца закрадывались идеи и чувства протеста въ періодъ полного общественнаго застоя съ середины сороковыхъ годовъ до середины пятидесятихъ—нѣтъ возможности. Отмѣтить можно лишь, что такая тайная подготовка умовъ и сердецъ совершалась частью подъ вліяніемъ лично испытанной соціальной неправды, частью подъ вліяніемъ новой или уже обрусѣвшей за прежніе годы западной мысли.

Въ 1855 году лица, испытавшія на себѣ въ дѣтствѣ это вліяніе, вступили молодыми людьми въ жизнь при исключительныхъ историческихъ условіяхъ. Въ шесть лѣтъ, съ 1855 по 1861 годъ, эта молодежь, подъ руководствомъ учителей, взятыхъ изъ ея же среды, сплотилась въ особую общественную силу, количествомъ незначительную, но влія-

тельную по стойкости своих радикальных убѣжденій и по своему боевому темпераменту. Шесть лѣтъ ушли на разработку радикальнаго ученія, яснаго въ томъ, что оно отрицало и менѣе яснаго въ томъ, что оно утверждало. И доктрина эта выражала опредѣленное настроеніе, съ которымъ всѣмъ силамъ, управлявшимъ ходомъ нашей жизни, приходилось считаться. Въ теченіе событій радикальная доктрина не, вмѣшивалась до 1861 года, когда достаточно опредѣлившаяся теорія была дополнена соотвѣтствующей революціонной практикой.

1855—1861 годы—прологъ революціоннаго движенія въ Россіи. Дѣйствія въ эту эпоху мало, но много идейнаго движенія; и такъ какъ послѣдующіе годы въ это идейное движеніе не внесли никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, то періодъ выработки радикальной доктрины, замкнутый 1855—1861 годами, представляетъ собою нѣчто цѣльное и вполне опредѣленное. Основные взгляды на личную мораль, на участіе женщины въ общественномъ движеніи, на задачи воспитанія и образованія, на долгъ гражданина; религіозныя понятія и философскіе принципы, оцѣнка красоты въ жизни и искусствѣ; представленіе о желанномъ грядущемъ социальномъ и политическомъ строѣ, опредѣленіе того участія, которое въ установленіи этого строя и въ его торжествѣ приметъ народная масса, наконецъ выборъ тактики самой борьбы за этотъ строй—всѣ эти вопросы, рѣшаемые при радикальномъ образѣ мысли и при боевомъ настроеніи, были намѣчены и обсуждены въ указанные годы и позднѣйшему времени пришлось въ эту теоретическую часть доктрины вносить лишь поправки и дополненія.

Въ 1905 году въ Петербургѣ былъ основанъ литературно-общественный кружокъ имени А. И. Герцена. Кружокъ поставилъ себѣ задачей разработку философскихъ, историческихъ и литературныхъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью и дѣятельностью Александра Ивановича.

Членъ-основатель кружка, угасшій Василиій Яковлевичъ Богучарскій положилъ начало такимъ трудамъ въ книгѣ „А. И. Герценъ“. Авторъ книги „Канунъ освобожденія“ смотритъ на свою работу, какъ на дальнѣйшее частичное выполненіе намѣченной кружкомъ задачи.

Эпоха реформъ въ освѣщеніи нашего времени

Эпоха реформъ какъ аналогъ дореформенной Россіи. — Зависимость реформъ отъ ихъ развитіи отъ началъ и традицій стараго порядка. — Чего не дали реформы народу и образованнымъ классамъ. — Система правительственной опеки. — Реформа 17 октября 1905 года. — Правительство и передовые круги за столѣтіе жизни реформъ. — Двѣ общія оцѣнки создававшихся положеній.

I.

Когда, въ дни частыхъ общественныхъ невзгодъ дореволюціонной эпохи, русскіе люди передового образа мыслей желали себя подбодрить, то не въ надеждѣ на будущее искали они поддержки. Тягота настоящаго и ощущеніе нависшей, страшной и неясной развязки отнимали у нихъ охоту нѣжиться въ мечтахъ, столь несогласныхъ съ наличностью переживаемаго, хотя они и вѣрили, что то, о чемъ они не прочь помечтать, когда-нибудь да сбудется. Сдерживая мечту, они подбадривали себя воспоминаніемъ о нѣкогда прожитыхъ славныхъ годахъ общественнаго подъема, занесенныхъ на страницы исторіи подъ скромнымъ непоказнымъ названіемъ эпохи „шестидесятыхъ“ годовъ.

Подвиги свободнаго ума и гуманной души было не мало въ эту знаменательную эпоху, и на разстояніи она выигрывала. Все обыденное, прозаичное, сѣрое и мрач-

ное отступало на задній планъ и на фонѣ дореформенной жизни ярко обрисовывался обликъ молодой, возрождающейся Россіи, съ новыми скрижалями законовъ въ рукахъ, съ обломками разбитыхъ цѣпей у ея ногъ,—Россіи, въ униженіи призванной къ величію и готовой искупить свои грѣхи подвигомъ. Образы участниковъ и вершителей обновлявшейся жизни возставали въ памяти — образы государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, публицистовъ и цѣлой вереницы горячихъ молодыхъ головъ обоего пола. Красивая получалась картина, и такъ какъ она была не мечта, а воспоминаніе о несомнѣнно пережитомъ, то созерцаніе ея и могло въ трудную минуту служить утѣшеніемъ.

И мы любили вспоминать о славныхъ годахъ исхода изъ долгаго плѣна, несмотря на то, что любой переживаемый день могъ убѣдить насъ въ томъ, что этотъ плѣнъ продолжался. И все-таки, съ шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка, какъ съ эпохи Петра, мы начинали новое лѣтосчисленіе, полагая, что дореформенная Россія отошла съ этими годами въ прошлое, и родилась Россія новая.

Обозрѣвая въ наши дни жизнь дарованныхъ реформъ на протяженіи пятидесяти лѣтъ [1855—1905] ихъ развитія, мы едва ли, однако, къ шестидесятымъ годамъ приурочимъ лѣтство и отрочество *новой* Россіи. Шестидесятые годы, какъ и слѣдующая за ними вереница лѣтъ вплоть до событій 1905 года, были эпилогомъ дореформенной Россіи, а не первыми годами Россіи обновленной и возрожденной. Не мало измѣненій въ укладѣ общественной и государственной жизни принесли съ собой годы реформъ, но вся эта новизна въ своемъ ростѣ и развитіи зависѣла всецѣло отъ началъ и традицій стараго порядка.

Не новая жизнь забила ключомъ, а лишь старая давала чувствовать свою ветхость.

Во внѣшнемъ обликѣ нашей жизни, произошли, за полстолѣтіе, конечно, значительныя перемѣны. Показная культурность шагнула быстро впередъ. Всякія удобства и усо-

вершенствованія цивилизаціи умножились, значительно повысился уровень образованности въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые располагали возможностью работать надъ своимъ духовнымъ развитіемъ. Наука и искусство завоевали себѣ даже міровое признаніе.

Но всѣ эти несомнѣнные успѣхи культуры не искупили двухъ крупнѣйшихъ недочетовъ нашей народной и государственной жизни.

II.

Обновленной и здоровой нельзя назвать жизнь страны, гдѣ до сей поры косное, темное и экономически необезпеченное состояніе народной массы — явленіе обычное. Простому народу минувшее полстолѣтіе дало очень мало благъ. По своему міросозерцанію, по общему складу жизни, личной, семейной и общественной, народная масса оставалась инертной въ проявленіи своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ. До самаго послѣдняго времени, когда она такъ стихійно разбушевалась, она о себѣ почти не напоминала. О движеніяхъ мысли въ народной средѣ, о живомъ подъѣмѣ энергіи, предприимчивости, о нравственномъ оздоровленіи — въ той мѣрѣ, въ какой все это могло совершиться на протяженіи цѣлаго полстолѣтія — говорить не приходится. Народная масса, численностью столь великая, силы своей не проявляла и только въ послѣднія два десятилѣтія, начиная съ девяностыхъ годовъ, выдѣлившаяся изъ нея рабочая армія стала приобрѣтать настоящее общественное и политическое значеніе. Главный и обильный родникъ силъ, которымъ должна питаться жизнь всего государства, продолжалъ долгіе годы течь какъ-то незримо и глухо подъ землей, не имѣя возможности обнаружить наглядно всей своей свѣжести и своего богатства.

Немного дали реформы и тѣмъ слоямъ общества, которые были болѣе или менѣе свободны въ обнаруженіи

своихъ духовныхъ силъ. Уже въ самые годы дарованія реформъ, а тѣмъ болѣе въ годы за ними слѣдовавшіе, стало ясно, что реформы самимъ правительствомъ зачислены въ разрядъ явленій очень опасныхъ, развитіе которыхъ подлежить строжайшему контролю и послѣдовательному ограниченію.

Кто знакомъ съ судьбами крестьянскаго вопроса, съ исторіей судебныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, кто помнить цензурные уставы и политику министерства народнаго просвѣщенія, тотъ долженъ признать, что, при проведеніи въ жизнь всѣхъ реформъ, правительство руководствовалось не столько идеаломъ будущаго, какое эти реформы обѣщали, сколько сожалѣніемъ о томъ прошломъ, которое онѣ упраздняли. Желаніе повернуть назадъ сказывалось часто и откровенно, изъ недостатка ли смѣлости государственнаго взгляда, изъ непониманія ли назрѣвшихъ задачъ жизни, изъ неправильнаго ли толкованія „народныхъ идеаловъ“, или по мотивамъ гораздо менѣ чистымъ — все равно. Полстолѣтіе въ жизни великой страны было занято истребительной войной передовыхъ общественныхъ силъ съ силами, какъ принято говорить, охранительными. Сколько ума, таланта, труда и энергіи ушло на междоусобную гражданскую войну вмѣсто того, чтобы пойти на согласное и дружное государственное строительство! Борющіяся силы — правительство и передовое образованное общество — были настолько неравны, несходны между собой по положенію; оружіе, которымъ онѣ боролись, было у нихъ столь разное, что естественное разрѣшеніе всякой борьбы — т.-е. побѣда одной стороны надъ другой или ихъ соглашеніе — не состоялось, и борьба упорная, партизанская затянулась на долгіе, долгіе гошы. Здоровый ростъ реформъ былъ искривленъ и въ корнѣ подорвана общественная самодѣтельность — самое нужное и цѣнное, на что страна могла разсчитывать.

Подавленіе общественной самодѣтельности или уродли-